

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

В.М. Розин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ОНТОЛОГИИ

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье предлагается рассматривать историю в ее целостности как состоящую из трех начал: интерпретаций исторических событий, исторического способа жизни отдельных личностей, а также исторического бытия культуры. При этом культура рассматривается как развивающаяся, но не эволюционно, а дискретно. Автор вводит различие «тела истории» и «концептуализации истории», а также двух типов истории: «сюжетной» и «междисциплинарной». С последним вариантом истории связан процесс концептуализации истории в философии и науке, который начинается еще вконец античной культуры и в Средние века, но по-настоящему набирает силу только в Новое время. Это не просто философское и научное осмысление исторических построений и объяснений, но создание новой методологии истории и вслед за ней новой практики исторических исследований – собственно исторической науки. Сюжетная история как рассказ о прошедших событиях выступает в исторической науке только в качестве несущей эмпирической основы. В междисциплинарной истории главным является создание начал и идеальных объектов. С их помощью решаются теоретические проблемы и задачи, которые были поставлены в ходе рефлексии по поводу событий сюжетной истории. К числу этих проблем относятся и философские. Как в сюжетной, так и в междисциплинарной истории онтологию задает, с одной стороны, категория времени, с другой – схема «прошлое – настоящее – будущее». Высказываются соображения по поводу этой категории и схемы.

Ключевые слова: история, реконструкция, сюжет, наука, прошлое, настоящее, будущее, историческое время, демаркация, факты

Для цитирования: Розин В.М. Некоторые особенности исторического познания и онтологии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 78–91.

В современной историографии сложилась своеобразная «картина исторической реальности», которую с определенной долей условности можно назвать «исторической онтологией». Кратко ее структуру и встающие здесь проблемы можно охарактеризовать следующими положениями.

• *История – это в широком плане знание о прошлом (бывших в прошлом событиях).* Правда, ряд исследователей отмечают, что прошлое задается

и другими социальными науками (культурологией, антропологией, географией и др.). Возникает естественный вопрос о демаркации и связях истории с этими научными дисциплинами. Кроме того, или прошлое задается именно историей (культурологией, антропологией, географией и т. д.), или оно имеет собственные характеристики? Например, М. Блок считал, что прошлое представляет собой объективную реальность, которая неподвластна прямому восприятию¹. Одновременно многие считают, что прошлое каким-то образом обуславливает настоящее и даже будущее.

- *Как вид социального знания история описывает не любые события, а имеющие отношение к человеку и обществу.* Например, Р.Дж. Коллингвуд в книге «Идея истории» пишет, что история изучает *res gestae* (лат. события, деяния) – действия людей, совершенные в прошлом². Но действия людей изучает социология. Не получается ли тогда, что история – это, так сказать, «генетическая социология»?

Например, И.М. Савельева и А.В. Полетаев утверждают, что история занимается конструированием прошлой социальной реальности, при этом, поясняют авторы, никто, как правило, не утверждает, что социология и другие общественные науки занимаются изучением настоящего³. Но, скажем, А.В. Гулыга утверждал, что разделение истории и конкретной социологии достаточно условно, поскольку настоящее переходит в прошлое, в связи с чем факты, полученные в конкретных социологических исследованиях, нередко превращаются в исторические свидетельства⁴.

- *Истинность исторических знаний проверяется историческими фактами, которые, с одной стороны, должны быть объективными, с другой – конструктивными, поскольку осмысляются в рамках тех или иных концепций истории, а также с точки зрения интересов современности.* Вроде бы одно противоречит другому: как может факт быть объективным, если он конструируется историком? В то же время большинство историков подчеркивают эмпирический характер своих исследований в том плане, что они опираются на исторические факты.

- *Тем не менее, опора на факты не исключает множественности исторических версий прошлых событий. Не в последнюю очередь это связано с тем, что история понимается как наука.* Существуют и критики научной концептуализации истории, они ссылаются на то, что историческое знание – гуманитарное и прикладное. Полемизируя с этой точкой зрения, Г. Шпет пишет следующее: «Исторические теории суть не менее теории, чем теории физики или биологии, какие бы свои особенности не имели эти теории и науки. Кажущееся противоречие между единичным и неповторяющимся характером исторических явлений и закономерностью явлений “природы”, проистекающей именно из повторения их, является в результате только совершенно произвольного отождествления теоретического и подчиненного “закону”»⁵.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Таллин, 1983.

² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 13.

³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом. Теория и история в двух томах. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 233.

⁴ Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 28.

⁵ Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1: Материалы. СПб., 2014. С. 14.

• Время в истории неоднородное: в основании – астрономическое, на уровне исторической реальности – событийное. Категориальная схема «прошлое – настоящее – будущее», а также категория времени задают онтологию истории. Наряду с указанными «темпоральными типами измерения» – через астрономическое и событийное время, – следует ввести еще один – «нетемпоральный». Его задают такие категории, как процесс, развитие, становление, преобразование и некоторые другие⁶. Впрочем, нередко нетемпоральные явления описываются как протекающие во времени, в результате возникают понятия типа «время истории», «художественное время», «психологическое время», «время деятельности» и проч. В настоящее время темпоральные и нетемпоральные категории слабо различаются, что является источником противоречий и проблем.

Прошлое в историческом дискурсе часто идентифицируется с историческим временем и истолковывается как объективная реальность. Считается, что прошлое можно изучать в исторической науке. Одновременно прошлое историком конституируется: по-разному истолковывается, сводится к событиям, которые конструируются как идеальные объекты. Сомнительно, что схеме «прошлое – настоящее – будущее» имеет смысл сводить к историческому времени, как это нередко делается в исторической науке. Мне представляется, что категория времени вводилась в истории для измерения изменений, тем самым осуществлялась темпоральная организация событий; а схема «прошлое – настоящее – будущее» была изобретена для решения других проблем. С ее помощью вводился в историю культурологический подход, позволивший развести современность, в рамках которой действовал историк, и прошлые культуры, которые он исследовал. Эта схема помогла также отдельному индивиду почувствовать прошлое как самостоятельную реальность, что обусловило становление в культуре «исторического образа жизни личности». Благодаря историкам и новым, основанным на исторических знаниях, формам поведения (поступкам), *прошлое начинает складываться как объективная, хотя и множественная (популярная) социальная реальность.*

• *В своем развитии представление об исторических событиях прошло два этапа: на первом события понимались в антропологическом и социальном смысле, на втором – как формы ментальности.* Дискурс истории, сложившийся на первом этапе, может быть подведен под понятие обобщенно понятого сюжета. Как правило, «сюжетная история» (назовем ее так) рассматривается как состоящая из отдельных исторических событий, подчиняющихся логике «причин и следствий», причем человек в этом дискурсе часто понимается как творец и актер истории, как одна из основных причин исторического развития⁷. Как известно, сюжет включает в себя: экспозицию или завязку, развитие действия, кульминацию, развязку, постпозицию, а в некоторых произведениях – пролог и эпилог. Сюжет разворачивается в событийном и физическом времени. Если рассмотреть эти характеристи-

⁶ См.: Розин В.М. Время и нетемпоральные категории («развитие», «становление», «преобразование» и пр.) // Философия и культура. 2010. № 2. С. 41–51. Как я показываю, нетемпоральные феномены тоже располагаются во времени, но это их свойство, так сказать, неосновное. Главные характеристики этих феноменов невременные. Например, для развития важны не временные стадии, а изменение качества или характера событий, для становления – появление нового целого как бы из ничего, точнее в поле сложившихся предпосылок, в число которых входят и проблемы, требующие настоятельного решения.

⁷ Вжосек В. Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории // Вопросы методологии. 1995. № 1–2. С. 87.

ки сюжета как схему, то можно понять, почему первый вид истории я называю сюжетным. В XX столетии сюжетная история была потеснена другой, которую можно назвать «междисциплинарной» (здесь используются методы и средства разных дисциплин – социологии, культурологии, психологии и др.).

Г.Г. Шпет, ссылаясь на Э. Бернгейма, выделяет три этапа и типа развития истории: история *повествовательная*, история *поучающая* или прагматическая и история развивающая или *генетическая*⁸. Повествовательная история, по Шпету, представляет собой простой рассказ о прошедших событиях, предпринятый с эстетическими целями. Такая история создавалась на самых ранних стадиях развития. Поучающая история идет вслед за повествовательной, это такого рода обобщения и мораль, которые выступают в качестве правил или максим поведения (в роли «исторической морали»).

Шпет считает, что задача обоснования таких правил требует от историка разыскания причин и мотивов сообщаемых им событий. Третьей, самой развитой стадией выступает генетическая история. Задача генетической истории заключается в изображении событий в их развитии и объяснении. Шпет сближает генетическую историю с философской историей, утверждая, что последняя ищет «закономерности» явлений, что, в конечном счете, определяет ее переход к научным понятиям, анализу «оснований» и «причин», которые, по сути, представляют собой безличные, неиндивидуальные «факторы». Генетическая история, по Шпету, сближается с историей «междисциплинарной». Генетическая теория стремится взять свой предмет во всеобщности, во внутреннем единстве, отсюда стремление к составлению историй национальных, народов и государств⁹.

На мой взгляд, эта типология и этапы построения истории довольно верно отражают реальность, заставляя, тем не менее, кое-что уточнить и различить. Во-первых, предполагаю, что именно в рамках описательной истории история конституировалась как такой *рассказ (происшествие, случай) о прошедших событиях, который является ясным в событийном отношении* и, кроме того *имеет начало и конец* (например, рассказ-история о сражениях и войнах, жизни и деяниях Христа и проч.). То есть в данном случае речь идет о сюжетной истории.

Во-вторых, поучающая история – это особый класс прикладных историй, ориентированных на те или иные практики (политические, образовательные, хозяйственно-экономические и т. д.). Они могут создаваться сразу как ангажированные исторические повествования или брать как материал уже созданные истории, переписывая их под углом зрения нужного интереса. При этом задача построения поучающих историй облегчается тем, что исторический дискурс создается на основе *схем рассказа* (происшествия, случая). Прагматический историк берет эти схемы и так их трансформирует, чтобы история выглядела нужным образом (трансформацию можно понимать и как создание новых исторических схем).

В-третьих, говоря о целом истории, нужно ввести еще одно измерение, а именно, кроме *исторического образа жизни и исторического познания*¹⁰, необходимо рассматривать *процесс концептуализации истории в философии*

⁸ Шпет Г. Указ. соч. С. 35.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ См.: Розин В.М. История как знание о прошлом и как исторический способ жизни современного человека и культуры // Культура и искусство. 2017. № 2. С. 24–34.

и науке. Он начинается еще в конце античной культуры и в Средние века, но по-настоящему набирает силу только в Новое время. Что собой представляет процесс концептуализации истории? Не просто философское и научное осмысление исторических построений и объяснений, но создание *новой методологии истории и вслед за ней новой практики исторических исследований*. Здесь, собственно, и складывается история как наука. Дискурс рассказа о прошедших событиях выступает в данном случае только несущей основой; главным становится, с одной стороны, построение начал и идеальных объектов, позволяющих решить ряд проблем, поставленных относительно событий, описанных в историческом рассказе, с другой – философских объяснений, проливающих свет (смысл) как на указанные события и проблемы, так и на более широкий круг проблем.

Я не случайно употребил в данном случае понятие «процесс», оно указывает на множество вариантов истории. Один полюс – простые истории-рассказы, промежуточный – разные типы историй, постепенно наращивающих уровни объяснения (причины этих событий в том-то, а причины данных причин в другом, а причины причин-причин в третьем и т. д.), противоположный полюс – всеобщие и мировая истории. Концептуализация истории представляет собой процесс перехода от построений историй-рассказов с простыми объяснениями событий (например, Фукидид считал, что спартанцы начали Пелопоннесскую войну в 431 до н. э. из страха перед растущим могуществом афинян) к двухслойным построениям идеальных объектов, где один слой – описание в форме рассказа исторических событий, а другой (он, в свою очередь, может быть многослойным) – анализ *причин, условий, разные типы размышлений*, вплоть до философских (они ориентированы на решение проблем и задач, интересующих общество и историка). Это также переход от событийной истории к научной и, дальше, междисциплинарной, от построения исторических схем и нарративов-рассказов к формулированию проблем и поиску их разрешения.

Проиллюстрирую данное различие на материале исторического изучения такого явления, как феномен «Ка» в Древнем Египте. Историки обнаружили, что египтяне Старого и Среднего царства верили в существование второй души «Ка». Но она не существовала исходно при рождении человека. Ее нужно было создать. Процедура рождения «Ка» была непростая. Сначала художники и скульпторы за большие деньги (по этой причине изготовление «Ка» было доступно только древнеегипетской знати) создавали живописные и скульптурные изображения заказчика, его семьи и хозяйства. Затем приглашались жрецы, которые просили богов за особые заслуги заказчика перед богами и Египтом создать для него вторую душу (Ка) и поместить ее в его изображения. Эта сакральная процедура, призванная «оживить изображения», называлась «отверзание уст и очей». В ходе ее произносились «диалоги жрецов, имеющие мифологический характер и восходящие к истории «воскресения» бога смерти Осириса»¹¹. Египтяне были уверены, что «Ка» существует если и не вечно, то во всяком случае пока сохраняются живописные и каменные изображения. Поскольку «Ка» понимался как живой двойник заказчика, его нужно было питать, и он должен был видеть; чтобы все это обеспечить, живущие приносили в гробницу, где находились изображения, жертвенную пищу и возжигали огонь.

¹¹ Большаков А.О. Человек и его двойник. СПб., 2001. С. 89–90.

Автор исторического исследования феномена «Ка», египтолог А.О. Большаков, ограничивает свое исследование в основном выстраиванием исторических событий по логике рассказа-происшествия. Так он показывает, что первоначально сложились процедуры изготовления изображений заказчика и «отверзания уст и очей», причем за редким исключением гробницы охранялись и почитались. Но позднее начались смуты и Старое царство пришло в упадок. Египетская знать уже не могла вкладывать достаточные средства в создание роскошной загробной жизни своих «Ка» («Из-за общего обеднения страны почти никто уже не мог создавать в своей гробнице большое количество изображений, так что обычно все ее оформление сокращалось до небольшой стелы низкого качества»¹²). Чтобы защитить изображения, художники рядом с заказчиком стали рисовать богов, которые под влиянием мифологии вышли на первый план. Как следствие, художник теперь «копирует египетское государство», а в роли фараона «выступает бог Осирис»¹³.

В Среднем царстве социальный порядок был восстановлен, и «Ка» снова вступили в свои права, оттеснив богов. Но очередной кризис, уже Среднего царства, возвращает богов на главные роли. «В сознании египтян идея бога приобретает новый аспект: бог-регулятор миропорядка обретает функции бога-заступника. Первому можно поклоняться и бояться его нечеловеческой мощи, со вторым возможно личное общение, его можно просить о чем-то для себя, надеясь на выполнение испрошенного... Бога начинают изображать, он впервые выходит в мир-Двойник»¹⁴.

Меня эта история крайне заинтересовала, хотелось понять, какие причины и обстоятельства привели к указанным событиям. Поэтому я провел собственное исследование и поверх истории Большакова написал еще одну¹⁵.

От сюжетной истории Большакова я перешел к междисциплинарной истории. В предложенной мной реконструкции были использованы представления культурологии, социологии, семиотики, психологии, философии техники. Одновременно сохранялось «материнское плато», заданное сюжетной историей Большакова. В рамках междисциплинарной истории я не только объяснял данную сюжетную историю, но и решал ряд других проблем: пытался понять особенности перехода от архаической культуры к культуре древних царств, проанализировать филиацию идей, приведших к концепциям египетских «пирамид» и «Ка», рассмотреть роль схематизации, объяснить эволюцию древней технологии и концепции «Ка» и ряд других. В итоге события, описанные Большаковым, были связаны мною с рядом других, в том числе и более широких реальностей – с культурой, техникой, социальными отношениями и ситуациями, схемами, психикой и сознанием индивидов. Решая перечисленные здесь проблемы, я стремился их представить тоже в форме историй-рассказов, но лежащих как бы на других уровнях (условий, обстоятельств, причин). Вероятно, один из признаков исторического мышления и состоит в том, чтобы упаковать в форме историй-рассказов не только исторические события, но и лежащие на разных уровнях их объяснения и осмысления.

¹² Большаков А.О. Человек и его двойник. СПб., 2001. С. 231.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 234.

¹⁵ Розин В.М. Культурно-историческая реконструкция феномена Ка // Розин В.М. Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука. М., 2018. С. 109–116.

То же самое различие было прослежено мною в исследовании творчества Эмануэля Сведенборга¹⁶. Это исследование включало в себя параллельное движение. С одной стороны, в нем анализировались объективные условия и факторы, которые определили творчество и личность Сведенборга, с другой – реконструировалось собственно его творчество. Исследование показало, что Сведенборг был не только крупнейшим ученым и инженером начала XVIII столетия, но и картезианцем. Занимаясь наукой и мысля рационально, он с детства посещал христианскую церковь и верил в Бога. В результате христианство в его духовных трудах было истолковано научно и эзотерически. Произведения Сведенборга несли на себе печать как культуры, в которой он жил, так и его личных усилий и размышлений. Хотя в исторической реальности жизнь культуры и личная жизнь разворачиваются одновременно, историк их разводит и затем соединяет, следуя определенной концепции прошлого. При этом он стремится воссоздать целостность исторической реальности, представленной и являющейся во многих предметах и типах знаний.

Исследование творчества Сведенборга явно относилось к *междисциплинарному историческому изучению*. Мне пришлось использовать целый ряд научных дисциплин: психологию творчества и личности, семиотику, культурологию, историю философии. Понятно, что многопредметное историческое исследование обуславливает и новое видение прошлого, поскольку понятия каждого предмета задают свои представления исторического процесса. Скажем, в культурологии история понимается в виде сменяющих друг друга культур. В каждой культуре процессы эволюции и истории приобретают константный однородный характер. При смене культур исторические процессы кардинально меняются. Поэтому представляется важным различать «эволюционное» и «межкультурное» историческое развитие. Первое характерно для отдельной культуры, второе – для перехода от одной культуры к другой. Если понимание языческих богов постепенно усложнялось внутри культуры древних царств и в античной культуре, то, например, концепты Римской империи и христианства хотя и перешли из поздней античной культуры в средневековую и в культуру Нового времени, но существенно трансформировались. Категории эволюционного и межкультурного исторического развития имеют свою логику. Для эволюционного развития характерны: обусловленность последующих состояний культуры предыдущими, органичность, отношение завершенности-незавершенности. Развитие, происходящее в результате взаимодействия разных культур (например, в эллинистический период, когда под влиянием походов Александра Македонского меняются и индийская, и греческая культура), можно считать «поликультурным».

Если речь идет об анализе творчества личности, то история представляет собой «личную историю» некоторого индивида (уникальные ситуации его жизни, кризисы развития, процессы разрешения проблем и т. п.). При этом используются понятия антропологии, психологии, семиотики и других гуманитарных наук. Характерно, что процессы во втором слое, понимаемые как факторы, обстоятельства и причины исторических событий, историк тоже должен представить как истории-рассказы. Приведу опять пример из собственного исследования.

¹⁶ См.: Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эмануэля Сведенборга. М., 2007.

История Александра Македонского в книге Питера Грина¹⁷ явно принадлежит к сюжетной истории, т. е. в основном – это описание поступков и деяний великого полководца плюс поступки и действия людей из его окружения, греческих полисов, Персии и пр. Осмысляя эту сюжетную историю, я развернул еще несколько¹⁸: историю реализации культурного месседжа¹⁹, на который опирался Александр²⁰, историю личности самого Александра (от идентификации Александра с античным героем до собственного обожествления и потери критичности), историю взаимоотношений Александра с греческими полисами, наконец, наметил схему, на основе которой можно развернуть историю социальной технологии²¹.

Эта работа позволила мне подтвердить также положение, в соответствии с которым историческое исследование дает материал для решения задач в других научных дисциплинах.

¹⁷ См.: Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М., 2010.

¹⁸ Розин В.М. Природа социальности. Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М., 2016. С. 47–50.

¹⁹ Автором этого послания был афинский оратор Исократ, который в «Слове к Филиппу» призывал к общеэллинскому походу против Персии под руководством македонского царя, утверждая, что такая война «лучше мира и скорее похожа на священную миссию, чем на военный поход». В речах Исократ («Панегирике» и «Слове к Филиппу») «подчеркивались изнеженность и трусость, будто бы свойственные персам, и их неспособность вести войну, а также то обстоятельство, что можно будет захватить большую добычу малыми силами. В обеих содержалась идея совместной борьбы против общего врага как альтернативы нескончаемому междоусобицам, раздиравшим Грецию» (Грин П. Указ. соч. С. 41).

²⁰ Интересно, что, когда это послание было реализовано, Александру пришлось обновить армию, сделав ее полностью наемной, кроме того, он старается уменьшить влияние македонян, а в экстремальных ситуациях прямо дезинформирует своих воинов. Если же, что бывает чаще, социальное послание в части обещания лучшей жизни не удается реализовать, поддержка власти (неважно, царской или демократической) начинает падать, а само послание быстро теряет свою двигательную энергию. Если исходное послание (Исократ) удалось полностью осуществить, то последнее послание – призыв к завоеванию – Индии потерпело крах. Во-первых, это послание было слабо мотивировано (зачем, спрашивается, завоевывать совершенно незнакомую страну, и неизвестно какие опасности там ожидали греков), во-вторых, в Индии условия жизни армии стали настолько невыносимы, что армия взбунтовалась и заставила царя повернуть назад (Там же. С. 202, 231, 233, 249, 251, 252).

²¹ Работа Питера Грина позволяет указать основные условия реализации послания-проекта завоевания Персии. Во-первых, это большая хорошо подготовленная профессиональная армия, которую начинал создавать еще Филипп. Во-вторых, македонская армия была очень хорошо для того времени оснащена технически. «Помимо полевых сил, во вторжении в Персию принимали участие многие специалисты, включая инженеров, механиков и топографов». В-третьих, греческую армию возглавляли сильные полководцы, во главе которых стояли Александр и очень опытный Парменион. В-четвертых, Александр и его полководцы превосходили своих противников в плане мышления. И дело не в простой хитрости и приемах (многие из них были известны и персам), а именно в реализации рационального подхода, включавшего анализ ситуации, выработку плана сражения, учет психологии противника, определение слабых мест в обороне, сосредоточение в этих точках превосходящих сил, обманные ходы и прочее. В-пятых, Александр постоянно поддерживал дух армии как своим примером (во многих сражениях он не только руководил боем, но и принимал в нем непосредственное участие как ведущий атакующий кавалерист), так и постоянной заботой о бойцах. Например, после взятия Галикарнаса «всех воинов-молодоженов царь отослал домой на зимний отпуск, что еще увеличило его популярность» (Там же. С. 25, 102, 127, 158). В целом указанные здесь моменты образовывали то, что с современной точки зрения можно назвать *социальной технологией*, созданной для реализации греческого социального послания.

Мое исследование принадлежит уже к междисциплинарной истории. Оно решало два типа проблем: с одной стороны, я пытался объяснить (осмыслить) событийную историю Питера Грина, с другой – разрешал проблемы, не связанные прямо с историей Александра Македонского, например старался понять, что такое война и какую роль она играет в социальной эволюции, в чем состояли особенности античной личности, размышлял над природой социальной технологии.

Таким образом, специфичность онтологии истории заключается не только в делении истории на два типа (слоя) – сюжетную и междисциплинарную, но и в представлении исторических процессов как историй (рассказов, происшествий), имеющих начало и конец и ясных в событийном отношении. Два обстоятельства заставляют историков таким образом выстраивать свои реконструкции исторических событий. Во-первых, при таком подходе сохраняется социальный характер исторического исследования. Во-вторых, так сказать, вторичные истории (культуры, общества, языка и пр.) позволяют объяснить и осмыслить истории первичные. Конечно, история определенного шага культуры мало похожа на историю сражений или деяний императора, но и там и там можно увидеть начало и конец определенных событий.

Сказанное не означает, как считают многие гуманитарии, что историк не опирается на закономерности и не имеет дела с социальной природой. Да, его интересуют, прежде всего, индивидуальные случаи (истории-рассказы), позволяющие понять, задать вопросы, вступить в общение с прошлым. Но не только – важно также, чтобы эти истории позволяли нащупать целое, иначе не ответишь на проблемы, поставленные философией и наукой. Если бы в истории речь шла только о событиях, совершаемых людьми, тогда можно было бы обойтись без закономерностей и знания социальной природы. Но в Новое время выяснилось, что события, которые совершают люди, обусловлены обществом, культурой, языком, экономикой, коммуникацией и т. д. Что эти целостности, с одной стороны, обладают особой природой (второй, социальной), с другой – в них можно увидеть свои истории. Знание закономерностей и социальной природы историк необходимо также для объяснения сюжетной истории (он должен понимать, какие условия, обстоятельства и причины влияют на исторические события и что, в свою очередь, влияет на эти условия, обстоятельства и причины). Это знание задает для историка своего рода пространство, реальность, в которых он выстраивает свои истории-рассказы.

Другой стороной указанного процесса, т. е. междисциплинарного изучения является уяснение историком и исследователями других наук (социологами, культурологами, антропологами и пр.), что историческое изучение проявляет невидимые до того предметные целые и закономерности. Впрочем, в ряде случаев и творчество исторических личностей, описанное в сюжетной истории, становится основанием для междисциплинарного исторического исследования, поскольку их деяния приобретают внеличностное, социальное и культурное значение.

Выявленные в междисциплинарном исследовании новые предметы сначала артикулируются и изучаются в рамках самой истории, но потом, как неспецифические для ее задач и дискурса, выносятся за пределы исторической науки и обособляются в самостоятельные предметные области. Данное явление хорошо понимал Шпет²².

Обособление от истории социальных наук не означает разрыв кооперации. Как я уже сказал, социальные науки создают для истории простран-

²² Шпет Г. Указ. соч. С. 36–37.

ство, в котором пишутся истории, принадлежащие как к первому слою, т. е. к событийной истории, так и ко второму – к истории междисциплинарной.

Различение сюжетной и междисциплинарной истории позволяет понять еще один момент, а именно, почему в рамках междисциплинарной истории труднее реализовать принципы гуманитарного подхода, столь характерные для истории. Дело в том, что в рамках сюжетной истории историк, реализуя свой исторический образ жизни, как бы напрямую обращается к своему историческому прототипу или оппоненту. Их отношения принципиально отличаются от отношения ученого к объекту природы, характерного для естествознания. В естественных науках объект молчит, он именно объект, а не субъект, противостоящий ученому. В истории как гуманитарной практике написание истории-рассказа, по сути, есть один из способов общения историка со своим историческим персонажем. Это утверждение может показаться странным, если не ложным.

Так вот в рамках сюжетной истории реализовать гуманитарный подход относительно легко, поскольку историк пишет рассказ-историю о человеке или сообществе (т. е. тоже людях) и *не может при этом не провести в исторической работе свои взгляды на жизнь*²³. Только при этом условии он может рассчитывать на обратное отношение прошлого (исторического субъекта) к себе в форме смысловой опоры, энергетической поддержки, размежевания, дистанции и проч. Когда же историк поверх сюжетной истории в рамках междисциплинарного исследования пишет другие истории, то в этом случае он не только осмысляет и обосновывает исходную сюжетную историю, но и решает ряд других, уже неисторических проблем, вынужден анализировать различные феномены социальной природы. В этом случае удержать диалог со своим историческим персонажем историку значительно труднее. Часто он невольно переключается с этого диалога просто на позицию познающего, исследователя. Например, в книге З. Баумана «Актуальность холокоста» главный диалог – это диалог автора и читателя с основными участниками трагедии (жертвами, обывателями, нацистами, а также учеными, изучающими холокост), но за другими темами и реальностями книги (Бауман хочет понять, что такое современность, не может ли сегодня холокост повториться, какие факторы привели к трагедии и др.) этот диалог увидеть нелегко. Выскажу теперь предположение еще об одной из особенностей исторического мышления и дискурса.

Многие известные исследователи сравнивают историческое мышление с юридическим, находя разные параллели. И понятно почему. И там и там речь идет о том, что нечто произошло, но что именно – точно неизвестно. Однако в обоих случаях остались следы (в том числе, правда, значительно реже, свидетели), которые можно истолковать как факты. И в юридическом, и в историческом мышлении приходится довольствоваться версиями происшедших событий, причем, как правило, этих версий не одна, а несколько. В обоих случаях существуют скептики, отрицающие созданные версии, поэтому приходится обосновывать и доказывать предлагаемые построения. Поскольку в свое время я изучал историю права и особенности юридического мышления, поступлю так же, как и те, кто сравнивал эти два типа интеллектуальных практик.

²³ Даже если он будет стараться держаться нейтрально, как бы объективно. Ведь нейтральная позиция – тоже одно из отношений к жизни.

Рассмотрим характерный вариант деятельности следователя²⁴. Цель его работы можно определить следующим образом. Он должен, соблюдая законы и предполагая предстоящее судебное разбирательство, изучить во всех деталях обстоятельства дела. Хороший следователь отдает себе отчет, что его версия событий является одной из возможных и что ее придется защищать. Понимая это, следователь стремится восстановить картину событий, которую он должен затем предъявить суду.

Основной прием восстановления событий такой. Следователь мыслит так: если существует предполагаемое версией исходное явление X, то по логике вещей оно могло вызвать вторичные явления Y, Z и т. д. или оно связано с явлениями A, B, C, а обе группы вторичных явлений (Y, Z..., A, B, C...) могли оставить следы a, b, c, d... Тогда возникает следующая задача: а нельзя ли обнаружить какие-то из вторичных явлений – Y, Z..., A, B, C..., а также их следы – a, b, c, d. Например, если некто украл, то он мог украденное передать своему сообщнику, и, следовательно, можно поискать сообщника и спрятанный у него товар. Однако означает ли обнаружение таких вторичных событий и следов, что версия следователя верна и является знанием? Вовсе нет, вторичные события и следы могли быть вызваны какими-то другими исходными событиями X.

Другими словами, обнаружение вторичных событий и следов – еще не доказательство. Доказательство и укрепление уверенности в принятой версии предполагает еще две процедуры: интерпретацию в языке версии всех обстоятельств дела (при этом именно интерпретация впервые вскрывает многие из них), а также критику собственной версии. Первая процедура подчиняется критериям «искусства интерпретации»: т. е. все наблюдаемые следователем факты и обстоятельства должны получить истолкование в языке данной версии, а сама версия в результате начинает выглядеть логичной и весьма правдоподобной; другие версии тех же самых обстоятельств представляются более слабыми. Что касается второй процедуры, то следователь часто строит два уровня критики: своей собственной версии и версий, опровергающих исходную версию (ведь защита или судья сами могут ошибаться). Наконец, следователь осуществляет еще одну процедуру: анализирует законность всех следственных действий, включая свои собственные²⁵.

Сравним теперь юридическую логику с логикой исторического мышления. Начнем с сюжетной истории. Понятно, что в историческом мышлении отсутствует проверка на соответствие законам, для историка годятся любые события. Историк в своей работе подобно юристу тоже воспроизводит

²⁴ Здесь я воспроизвожу фрагмент анализа логики юридической мысли, представленного в книгах: *Розин В.М.* Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ. М., 2001; *Он же.* Философия права. Генезис права. Особенности юридического мышления. Преступная личность. М., 2016.

²⁵ Рецензент «Философского журнала», которому я благодарен за его содержательный отзыв, справедливо замечает, что неоднозначность фактов и множественность версий вовсе «не исключает возможности однозначной интерпретации событий прошлого (в том числе и с использованием комплексной методологии), когда ложные версии событий отпадают, и остается одна – истинная. Без этой посылки само правосудие становится невозможным. Без этой внутренней убежденности нет, кстати, и исторической науки. Именно эта стихийная вера историка в возможность истинных исторических интерпретаций и реконструкций отличает его непосредственный рассказ о прошлом от любых философских рефлексий по поводу его исторических рассказов...».

житейскую логику, более того, в сюжетном нарративе она выходит на первый план. Общее место, что при этом он опирается на факты, которые одновременно конституирует. Имеет место в его работе и логика «если...то», однако более характерно для сюжетной истории конструирование схем, ведь историку необходимо создать рассказ с завязкой и развязкой и ясной событийной линией. Убеждение историка, что он изучает прошлое, заслоняет для него понимание схемной природы получаемых им знаний. Исторические знания в сюжетной истории – это знания, полученные на схемах, а схемы строятся таким образом, чтобы удалось сконструировать рассказ о канувших в Лету событиях, учесть исторические факты, провести точку зрения на прошлое самого историка, убедить скептиков.

В заключение следует сказать несколько слов о логике междисциплинарной работы историка. Вернемся к истории «Ка». Как я говорил выше, исследование Большакова относится к сюжетной истории. Опираясь на эту историю, я обратился к культурологии, социальной психологии, семиотике и схемологии и реализовал междисциплинарную стратегию. При этом получил и новую реконструкцию исторических событий. Другими словами, нужно различать исторический сюжет, выполненный в логике сюжетной истории, и исторический сюжет, созданный в рамках междисциплинарной работы. Помимо построения сюжетной истории, междисциплинарная работа включает в себя собственно историческое исследование, относящееся уже к науке. Историк строит идеальные объекты и что-то напоминающее теорию. Идеальные объекты он создает на основе схем. Но это не схемы сюжетной истории, а схемы, создаваемые в рамках научного мышления. Эти схемы строятся таким образом, чтобы разрешить проблемы, стоящие перед историком, получить непротиворечивое историческое знание, организовать его в теорию на основе принципов исторической методологии, учесть исторические факты, построить сюжетную линию, убедить скептиков и оппонентов.

Из сказанного можно понять, что в целом междисциплинарная работа историка включает в себя два типа работ: историческое исследование и построение сюжетной истории.

Список литературы

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Таллин: Ээсти раамат, 1983. 184 с.

Большаков А.О. Человек и его двойник. СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.

Вжосек В. Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории / Пер. с польск. А.П. Буряка // Вопросы методологии. 1995. № 1–2. С. 84–101.

Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2010. 172 с.

Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки / Ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М.: Наука, 1969. С. 7–50.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 487 с.

Розин В.М. Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ. М.: МПСИ, 2001. 217 с.

Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эмануэля Сведенборга. М.: ЛКИ, 2007. 168 с.

Розин В.М. Время и нетемпоральные категории («развитие», «становление», «преображение» и пр.) // Философия и культура. 2010. № 2. С. 41–51.

Розин В.М. Природа социальности. Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М.: ЛЕНАНД, 2016. 288 с.

Розин В.М. Философия права. Генезис права. Особенности юридического мышления. Преступная личность. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

Розин В.М. История как знание о прошлом и как исторический способ жизни современного человека и культуры // Культура и искусство. 2017. № 2. С. 24–34.

Розин В.М. Культурно-историческая реконструкция феномена Ка // Розин В.М. Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 10–116.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом. Теория и история в двух томах. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.

Шпет Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1: Материалы. СПб.: Университетская книга, 2014. 510 с.

Some features of historical knowledge and ontology

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The author argues that the whole of history, which allows us to comprehend it and establish its essence, is not just various interpretations of history, but also a historical way of life of a personality and a historical way of life of a culture that goes through several stages in its development. Building on this scheme, the author argues that the conceptualization of history in philosophy and in science gave rise to two different methodologies of historical research, which lead to two types of history: one based on a plot, and another one based on an interdisciplinary study. The latter is associated with a process of the conceptualization of history in philosophy and science and originates in late Antiquity and the Middle Ages. However, it reaches its full development only in the Modern Age. This type of history is not only characterized by a philosophical and a scientific analysis of historical constructions and explanations, but also by the development of a new methodology of history and new practices in historical research. Now a plot is nothing more than an empirical framework. The main focus is on the creation of ideal objects that can solve a number of problems within the plot and on the philosophical explanations that shed light on the described events as well as on a broader range of relevant problems. Both types of history are characterized by an ontology of time and a categorical scheme “past-present-future”. The author provides a discussion of both of these characteristic properties of the historical discipline.

Keywords: history, reconstruction, plot, science, past, present, future, historical time, demarcation, facts

For citation: Rozin, V. M. “Nekotorye osobennosti istoricheskogo poznaniya i ontologii” [Some features of historical knowledge and ontology], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 78–91. (In Russian)

References

Blok, M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Apology of history, or the craft of the historian]. Tallinn: Eesti Raamat Publ., 1983. 184 pp. (In Russian)

Bolshakov, A. O. *Chelovek i ego dvoinik* [Man and his double]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2001. 288 pp. (In Russian)

Collingwood, R. G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of history. An autobiography], trans. by Yu. A. Aseev. Moscow: Nauka Publ., 1980. 487 pp. (In Russian)

Green, P. *Aleksandr Makedonskii. Tsar' chetyrekh storon sveta* [Alexander the Great. The king of the four cardinal points], trans. by L. A. Igorevskii. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2010. 172 pp. (In Russian)

Gulyga, A. V. "Istoriya kak nauka" [History as a science], *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki* [Philosophical problems in historical studies], ed. by A. V. Gulyga and Yu. A. Levada. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 7–50. (In Russian)

Rozin, V. M. *Genesis i sovremennye problemy prava. Metodologicheskii i kul'turologicheskii analiz* [Genesis and modern problems of law. Methodological and cultural analysis]. Moscow: MPSI Publ., 2001. 217 pp. (In Russian)

Rozin, V. M. *Demarkatsiya nauki i religii. Analiz ucheniya i tvorchestva Emanuelya Svedenborga* [Demarcation of science and religion. An analysis of the teachings and creativity of Emanuel Swedenborg]. Moscow: LKI Publ., 2007. 168 pp. (In Russian)

Rozin, V. M. "Vremya i netemporal'nye kategorii" ('razvitiye', 'stanovlenie', 'preobrazhenie' i pr.) [Time and non-temporal categories ('development', 'becoming', 'transformation', etc.)], *Filosofiya i kul'tura*, 2010, No. 2, pp. 41–51. (In Russian)

Rozin, V. M. *Priroda sotsial'nosti. Problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [The nature of sociality. Problems of methodology and ontology of social sciences]. Moscow: LENAND Publ., 2016. 288 pp. (In Russian)

Rozin, V. M. *Filosofiya prava. Genesis prava. Osobennosti yuridicheskogo myshleniya. Prestupnaya lichnost'* [Philosophy of law. Genesis right. Features of legal thinking. The criminal identity]. Moscow: LENAND Publ., 2016. 256 pp. (In Russian)

Rozin, V. M. "Istoriya kak znanie o proshlom i kak istoricheskii sposob zhizni sovremennogo cheloveka i kul'tury" [History as knowledge about the past and as a historical way of life of modern man and culture], *Kul'tura i iskusstvo*, 2017, No. 2, pp. 24–34. (In Russian)

Rozin, V. M. "Kul'turno-istoricheskaya rekonstruktsiya fenomena Ka" [Cultural-historical reconstruction of the 'Ka' phenomenon], in: V. M. Rozin, *Novaya koncepciya istorii: Istoriya kak obraz zhizni lichnosti, social'nyj diskurs i nauka* [New concept of history: History as a way of life of a person, social discourse and science]. Moscow: LENAND Publ., 2018, pp. 109–116. (In Russian)

Saveleva, I. M. & Poletaev, A. V. *Znanie o proshlom. Teoriya i istoriya v dvukh tomakh*, T. 1: Konstruirovaniye proshlogo [Knowledge of the past. Theory and history, Vol. 1: Designing the past]. St. Petersburg: Science Publ., 2003. 632 pp. (In Russian)

Shpet, G. *Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya* [History as a problem of logic. Critical and methodological research], Pt. 1. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2014. 299 pp. (In Russian)

Vzhosek, V. "Metamorfozy metafor. Neklassicheskaya istoriografiya v krugu epistemologii istorii" [Metamorphoses of metaphors. Non-classical historiography in the circle of epistemology of history], trans. by A. P. Buryak, *Voprosy metodologii*, 1995, No. 1–2, pp. 84–101. (In Russian)